

Существует ли в этом мире что-то более мучительное, чем похмелье? Шэнь Ся проснулся на рассвете и, всерьёз обдумав этот вопрос, пришёл к выводу: нет. Ему было так плохо, что хотелось просто исчезнуть.

Когда он открыл глаза в следующий раз, солнце уже стояло высоко. Место рядом пустовало, но постель там, где спал Ю Юань, ещё хранила тепло. Шэнь Ся не надел слуховые аппараты, поэтому не знал, шумит ли в ванной вода. Голова раскалывалась, всё вокруг вращалось, и сил подняться не было совершенно. Он перекатился на согретую половину кровати, уткнулся носом в подушку, вдыхая знакомый запах, и снова провалился в тяжёлое забытье.

Сквозь дрему до него донёлся тонкий аромат мясной каши. Желудок отозвался таким громким урчанием, что Шэнь Ся проснулся окончательно. Он лежал лицом к балкону; солнце уже не так нещадно палило, а полuzашторенную занавеску лениво колыхал ветерок. Неудивительно, что во сне ему казалось, будто день и ночь сменяют друг друга каждую минуту.

Застыв на мгновение, он хотел было пошевелиться, но краем глаза уловил чью-то тень. Шэнь Ся осторожно скользнул взглядом в сторону — и едва не лишился чувств от испуга.

За письменным столом, чинно закинув ногу на ногу, сидела Чжоу Шэннань. Слегка вздёрнув подбородок, она что-то говорила, глядя в сторону ванной комнаты. Кажется, она не заметила, что парень проснулся. Шэнь Ся тут же прищурился. Сквозь мутную пелену он увидел, как из ванной вышел Ю Юань, стряхивая воду с рук.

Матрас просел — Ю Юань сел прямо перед матерью, загородив собой Шэнь Ся. Тот затаил дыхание, продолжая притворяться мёртвым.

— Ты должен был вернуться вчера, я прождала тебя весь день, — Чжоу Шэннань едва сдерживала гнев, стараясь говорить ровно. — Ты не пришёл, даже не позвонил. Ю Юань, день рождения сына — это день мук его матери. В такой день мне всегда особенно тебя не хватает.

Эту заезженную пластинку Ю Юань слышал каждый год и мог пересказать слово в слово. К несчастью, Чжоу Шэннань нельзя было назвать нормальной матерью, и эти речи не трогали его сердце — они лишь резали слух. Ю Юань устался в пустоту и безразлично бросил:

— Ну, раз уж ты сама пришла, посмотрела — теперь можешь уходить.

— Если бы я не пришла, так и не узнала бы, что ты прячешь в комнате человека. Ты ведь специально настоял на общежитии, чтобы в один прекрасный день вот так досадить мне? — Чжоу Шэннань бросила косой взгляд на макушку, торчащую из-под одеяла. — Что у вас происходит?

— А на что это похоже, по-твоему? — Ю Юань вызывающе усмехнулся. — Он мне не родственник, чего ты боишься?

— Ю Юань! — женщина изменилась в лице. — Ты хоть понимаешь, что творишь? Есть полно способов отомстить мне, но разрушать собственную жизнь — самый глупый из них!

— О чём ты вообще? Ты — моя мать, с какой стати сыну мстить тебе, да ещё и в «день твоих мук»? — Ю Юань посмотрел ей прямо в глаза. — И при чём здесь моя жизнь? Как то, что происходит между мной и Шэнь Ся, может её разрушить?

— Разве нет? — Чжоу Шэннань указала на кровать и повысила голос: — Если бы он не был глухим и немым, разве ты выбрал бы его для своего спектакля? Нарочно выставил всё так, будто...

— Если не хочешь опозориться, ори погромче, чтобы и в соседних комнатах слышали, — Ю Юань помрачнел, его голос стал низким и угрожающим. — Или мне его разбудить? Скажи ему всё сама. Расскажи, какое грязное бельё хранит семья Ю и что он — всего лишь инструмент для мести.

Чжоу Шэннань осеклась. Ю Юань встал и распахнул дверь, недвусмысленно указывая на выход.

— Не хочу ругаться сразу при встрече. Возвращайся домой.

— В любое время ты остаёшься моим сыном, и пока я жива, я буду тебя контролировать, — она подхватила свою изящную кожаную сумочку, поправила волосы и неспешно вышла. По её виду нельзя было сказать, что она только что злилась, лишь бросила на прощание: — Сами разгребайте свою кашу. Если хочешь злить меня — терпи, но если влипнешь в настоящие неприятности... Семья Фан была к тебе добра, но я не позволю тебе окончательно сбиться с пути!

— Ну, жди, — бросил Ю Юань и закрыл дверь.

Словесную дуэль матери и сына Шэнь Ся не слышал — он всё ещё пребывал в шоке от того, что проснулся голышом в постели старшекурсника, а в ногах сидела его мать. Кажется, она ушла, но он всё равно не смел пошевелиться, напряженно вглядываясь сквозь ресницы.

Спустя мгновение одеяло резко откинули. Ю Юань обхватил его за щиколотку и одним рывком подтянул к себе, после чего сгрёб в охапку вместе с постелью.

Развернув «кокон», Ю Юань явил миру взлохмаченную голову Шэнь Ся. Из-под одеяла пахло жаром. Парень невинно захопал глазами, глядя на Ю Юаня. Тот надел ему слуховые аппараты и только потом спросил:

— Совсем плохо себя чувствуешь?

Шэнь Ся усиленно закивал, а затем прижал ладонь к груди:

«Плохо, и напугался до смерти. Открываю глаза, а там тётя Чжоу. Думал, галлюцинация с похмелья. Хорошо, что я хотя бы в трусах был».

— Твои трусы — что есть, что нет, — Ю Юань опустил взгляд ниже, и Шэнь Ся, сгорая от стыда, попытался зарыться обратно. — Теперь-то ты смущаешься. В следующий раз тоже будешь пить?

«Если есть повод, конечно, выпью», — нагло решил Шэнь Ся и начал жестикулировать:

«А почему я так наклюкался? Не из-за тебя ли? Твой день рождения — великое событие, я просто обязан был выпить в твою честь! Я ведь так был рад!»

Ю Юань подтащил его к изголовью и подложил под спину подушку. Шэнь Ся продолжал неистово размахивать руками, изображая слова песни:

«Ты меня напоил, ты заставил меня плакать, я взял всю вину на себя и отчаянно пытаюсь всё вернуть...»

Немой петь не может, но кто запретит ему пересказывать тексты жестами? Ю Юань, досмотрев этот импровизированный клип, не выдержал и рассмеялся:

— Ты всё ещё не протрезвел?

Он протянул парню стакан воды с лимоном и мёдом. Под пристальным взглядом Ю Юаня Шэнь Ся выпил всё до капли, вытер рот и, когда тот начал кормить его кашей, вдруг коснулся пальцами уголков губ Ю Юаня, потянув их вверх.

— Ты чего? — замер тот.

Шэнь Ся показал жестом: «Ты не весел».

— Ну, по сравнению с тобой — точно, — Ю Юань отправил ему в рот очередную ложку каши, аккуратно стерев каплю с подбородка.

«Брат, что случилось?»

— Ничего.

Шэнь Ся был крайне чувствителен к чужим эмоциям; по одному взгляду он понимал, злится человек, радуется или грустит. Он видел Чжоу Шэннань всего дважды, и оба раза Ю Юань после этого был сам не свой. Но сегодня, в отличие от дня поездки домой, Ю Юань казался подавленным. Наверняка они только что поссорились.

«Тогда я тебя утешу».

Пока Шэнь Ся послушно ел, он лихорадочно соображал, как поднять Ю Юаню настроение. Вслед за «Напоил меня» в ход пошла «□□□□□□» — «Продаю старые бутылки». Исчерпав запас песен, он переключился на анекдоты в лицах.

В такие моменты отсутствие голоса особенно мешало — утешения казались блёклыми, приходилось заставлять другого человека вглядываться и гадать, что же ты хочешь сказать. Но он так старался вызвать у Ю Юаня улыбку.

Ю Юань сосредоточенно кормил его, время от времени наблюдая за этими плясками. В конце концов, суета Шэнь Ся и вправду вытеснила из головы раздражение, вызванное матерью. Отставив пустую миску, Ю Юань взъерошил его и без того спутанные волосы, превратив их в нечто невообразимое, и улыбнулся:

— Вставай. Сходишь в душ — полегчает.

Лучше бы он не напоминал. Шэнь Ся мгновенно вспомнил события прошлой ночи. Покраснев до кончиков ушей, он воровато огляделся и спросил:

«Брат, я вчера сильно обузой был? Не буянил по пьяни?»

— Буянил, — холодно хмыкнул Ю Юань. — Сам вспомни, что вытворял!

«Прости!»

Шэнь Ся скинул одеяло и пулей влетел в ванную, запершись на замок. Под душем сердце колотилось как сумасшедшее. Легко говорить «будь мужчиной и отвечай за поступки», а на деле — сплошная трусость. По сравнению с тем, что он ночью дважды лапал Ю Юаня, инцидент с «голым видом» казался сущим пустяком.

Намыливаясь, он не мог выкинуть из головы то, как тыкал пальцем в грудные мышцы Ю Юаня. У того тело было просто идеальным, а сам он на его фоне — какой-то заморыш. Покрутившись перед зеркалом, Шэнь Ся остался недоволен: мышц нет, а значит, и на ощупь так себе. Хорошо хоть кожа белая, да ноги прямые — хоть на подиум.

Тьфу, какой подиум, кому это надо. Сгорая от тайного стыда, Шэнь Ся закончил мыться, обмотался полотенцем и, зажав в кулаке выстиранные трусы, собрался их сушить, но Ю Юань

перехватил их на ходу:

— Твои уже высохли, вот они.

Шэнь Ся закусил губу: «Ты их сам постирал?»

— А кто ещё? — Ю Юань, развесив бельё, достал из шкафа свою одежду и, выбрав размер поменьше, бросил Шэнь Ся. — Провозился с тобой до глубокой ночи. Не парень, а Цзуцзун какой-то.

Переодевшись, Шэнь Ся не решился больше задерживаться. Забрав остатки каши и напитки, которые Ю Юань купил специально для него, он вернулся в своё общежитие. Перед уходом он всё же набрался смелости и спросил, не творил ли он ещё чего глупого. Ю Юань вкратце пересказал события вечера, но не упомянул ту самую деталь, которая больше всего волновала Шэнь Ся.

«Значит, я тогда и вправду уже спал».

Шэнь Ся втайне ликовал. Иначе, спроси Ю Юань об этом в лоб, он бы в жизни не объяснил своё странное поведение.

Ещё утром Ю Юань позвонил брату Луну и отпросил Шэнь Ся. Сегодня он вдруг стал совершенно свободен. Вернувшись в комнату, Шэнь Ся обнаружил, что там никого нет. От голода подвёл живот, да и голова всё ещё кружилась, так что он сразу сел за кашу.

Без Ю Юаня, который кормил его с ложечки, еда казалась уже не такой вкусной. Между делом он отправил СМС:

«Брат Лун спрашивал, нет ли у меня жара. Ты ведь не сказал ему, что я просто перепил? Спасибо тебе большое, ты лучший».

Ответ пришёл не сразу:

«Цзуцзун».

Глядя на эти два слова, Шэнь Ся почувствовал, как сердце снова забилось быстрее. Он нашёл в контактах номер Ван Ци и, колебавшись, написал:

«Сестра Ци, я соскучился. Когда приедешь навестить?»

Ван Ци: «Выкладывай сразу, что случилось, нечего тут расшаркиваться».

Шэнь Ся: «У тебя в общаге много северян? С чего вдруг такой тон в сообщениях?»

Ван Ци: «Я тут кино смотрю на самом интересном месте. Даю тебе минуту, излагай суть».

Шэнь Ся и вправду прождал целую минуту, не зная, как подступиться. Наконец он отправил:

«Если бы у тебя был друг, который, возможно... гей, ты бы посчитала его противным?»

Вж-ж-ж!

Телефон завибрировал почти мгновенно. Шэнь Ся прижал аппарат к груди, одновременно надеясь на ответ и боясь его увидеть. Спустя вечность он открыл сообщение.

Ван Ци: «Твою мать! ТЫ ЧТО, СТАЛ ГЕЕМ???»

<http://bllate.org/book/17546/1712124>